

ЕГОР БУНИН

ТРИ УДАРА
ДО ДОМА

18+

Егор Бунин

Три удара до дома

«Автор»

2026

Бунин Е.

Три удара до дома / Е. Бунин — «Автор», 2026

Илара Венн приезжает в лётную крепость Сарн, чтобы узнать, куда исчез её брат. В официальном отчёте он назван дезертиром. Но его аэрхан вернулся один — с повреждённым крылом и тремя колокольчиками на сбруе. Под отчётом стоит подпись Кела Ардана. Теперь он учит Илару летать и помогает искать путь, которого нет на новых картах. Доверять ему она не собиралась. Но за морским туманом отвечает старый колокол, а Управление маршрутов пытается добраться до гнездовья аэрханов. Чтобы вернуть брата, Иларе придётся пройти дорогой, на которой люди теряют память. И решить, кому позволить лететь рядом.

© Бунин Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Нижние ворота	5
Глава вторая. Врач и командир	8
Глава третья. Ведомость	11
Глава четвёртая. Гайр	15
Глава пятая. Третий звон	18
Глава шестая. Ночная смена	21
Глава седьмая. Снабжение	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Егор Бунин

Три удара до дома

Глава первая. Нижние ворота

Телега останавливается на подъёме, не доехав до крепости шагов триста. Возница пробует уговорить мула, потом слезает и обнаруживает под задним колесом камень величиной с кулак. Он ругается так обстоятельно, словно именно этот камень виноват в его неудачной женитьбе, в ценах на овёс и в том, что в Сарне снова закрыли главный въезд. Илара помогает столкнуть телегу с места. Пока они возятся, мимо проходят двое курсантов в серых плащах. Один держит другого под руку; у второго лицо цвета сырого теста, а на воротнике след рвоты.

— У главных ворот всё ещё не пускают? — спрашивает Илара, когда телега наконец трогается.

— Со вчерашнего дня. Камни до ночи вывозить будут. Нижними воротами короче.

Возница поворачивается к мулу и снова принимается рассказывать, как тяжело добиваться от него разумного поведения. За дорогу он успел поговорить о сестре, о цене овса и о том, что аэрханы различают человеческие лица, хотя сам видел аэрхана только два раза и оба раза издали. Илара позволяла ему говорить: так он не спрашивал, почему пассажирка с вещами едет в военную школу на телеге с мукой.

К нижним воротам выстроилась очередь из поставщиков. Везут муку, зелёный уголь для сигнальных ламп и длинные рулоны парусины. На телегах сидят люди с такими же пропусками, как у возницы; никто не проверяет, откуда взялась пассажирка между мешками. Илара спрыгивает во дворе склада, прежде чем стражник успеет заметить, что в ведомости указано два работника, а приехало трое. Возница получает свои деньги, пересчитывает их большим пальцем и говорит, что за её мешок пришлось бы брать отдельно. Мешок действительно её, но она оставляет его на телеге до тех пор, пока стражник не отворачивается.

Изнутри Сарн выглядит менее внушительно, чем с дороги. Снаружи крепость занимает весь уступ над долиной. Внутри выясняется, что половину двора отдали под ремонт: вдоль стены стоят леса, между ними натянуты канаты, под навесом рабочие сортируют разбитую черепицу. Военная школа переживает это с привычным высокомерием. Поверх строительного мусора на плац высыпали свежий белый песок, а возле учебной башни кто-то вывесил знамёна, хотя на одном из них прожжена дыра.

Илара закидывает мешок на плечо и идёт к регистрационному столу. Ей двадцать пять, она прибыла на две недели позже остальных и не имеет рекомендательного письма от благородного семейства. Всё это написано в её деле. За шесть месяцев переписки со штабом она трижды отправляла прошение о зачислении, но ни разу не назвала причину, по которой так упорно добивалась места. Причину она держит за подкладкой: сложенный вчетверо лист, испачканный смолой и кровью. Почерк брата она узнает даже сквозь пятна.

За столом сидит молодой писарь с воспалёнными глазами. Он выслушивает фамилию, ищет её в первой ведомости, потом во второй и раздражённо машет рукой товарищу за соседним столом. Тот, не поднимая головы, указывает на папку под чайником.

— Вы не в наборе, — говорит писарь.

— Я знаю. Дополнительное место.

— В дополнительном наборе тоже нет. Здесь указано «кандидат на испытание по навигации». Вам в картографический корпус.

Илара чувствует, как у неё холодеет живот. Она специально просила о другом.

— Посмотрите последнюю страницу. Должна быть поправка.

Писарь смотрит. Последняя страница приклеилась к обложке, и ему приходится отделять её ножом для бумаги. Пока он работает, над двором проходит тень. Люди не бросаются врассыпную и даже не поднимают голов. К этому здесь, очевидно, привыкают быстрее, чем к очередям.

Аэрхан летит вдоль стены низко и неровно. Одно крыло расправлено полностью, второе складывается на каждом повороте, будто зверь бережёт сустав. Илара видит на перепонке старый шов. В её мастерской такие делали на корабельном парусе: быстро, крепко, с расчётом на то, что позже парус заменят. Живую перепонку не заменишь. Ей хочется остановить зверя и спросить, кто допустил его к полёту, но она вовремя вспоминает, что пока не имеет права спрашивать здесь ни о чём.

— Есть поправка, — говорит писарь. — Лётное отделение. Подпись командира Ардана.

— Тогда всё правильно.

— По состоянию здоровья у вас ограничение.

Он смотрит на её правую руку. Два пальца отсутствуют до середины фаланги. Илара когда-то пыталась скрывать их перчаткой, но от перчатки всем хотелось узнать подробности.

— Ограничение на точную сборку замков, — говорит она. — Не на полёт.

— Это решает врач.

— Тогда передайте ему дело.

Писарь берёт следующий лист. На соседнем столе чернила разливаются прямо на ведомость, и кто-то с отчаянием зовёт песок. Илара могла бы уйти, пока никто не успел заметить лишнюю печать в её бумагах. Вместо этого она ждёт, потому что у входа в лётное отделение проверяют по отдельному списку. Во второй раз такая удача ей не понадобится.

— Койка семнадцать, северный корпус, — говорит писарь и протягивает деревянный жетон. — Медосмотр после обеда. Если вас не допустят, освободите комнату до вечера.

— Понятно.

— И оружие сдайте.

— Где?

— У дежурного по корпусу. Здесь мне некуда его класть.

Она благодарит его и идёт через двор. Через несколько шагов слышит, как за спиной писарь окликает следующего кандидата и снова спрашивает имя. Ей нравится, что он уже о ней забыл.

Северный корпус пахнет мокрой шерстью, гашёной известью и горелой кашей. На первом этаже слесари меняют дверные петли; на втором девушки спорят, чья очередь носить воду. Илара находит комнату семнадцать не сразу, потому что цифру закрасили и потом неудачно восстановили мелом. Внутри стоят четыре кровати. На одной лежит куча выстиранного белья, на другой сидит девушка с коротко стриженными волосами и держит сапог между коленями. Она чинит ремешок шилом, заведённым слишком близко к собственной ладони.

— Тебе третья, — говорит девушка, не отрываясь от работы. — Четвёртую занимать нельзя.

— Почему?

— В ней клопы. Или комендантша так думает. Мы предпочитаем не проверять.

Илара ставит мешок на третью кровать. Девушка убирает шило и замечает её руку. Не делает вид, что не заметила, но и не спрашивает. Это уже лучше, чем большинство знакомств за последние годы.

— Мара, — говорит она. — Меня зовут Мара. Если ночью начнут двигать мебель, это за стеной, там сушат крыловые рамы. Я сначала тоже думала, что кто-то ходит по комнате.

— Илара.

— Поздно приехала.

— Да.

— После первого испытания многие уехали. Тебе повезло с местом.

Мара произносит это без жестокости. Для неё свободная койка, вероятно, и впрямь удача, неважно, каким образом она освободилась. Илара разбирает мешок: две рубахи, штаны, кожаный пояс, щётка, набор игл и кусок тёмного воска. Письмо она оставляет под подкладкой плаща. Пока ей нужны не ответы, а доступ.

— Где здесь лазарет? — спрашивает она.

— Через двор и направо. Только если врач предложит тебе настойку от тошноты, не пей всю сразу. Её дают лётчикам после первых подъёмов, она крепче местного вина.

— А если врач не предложит?

— Значит, понравилась.

Мара возвращается к сапогу. Илара снимает мокрый плащ, смотрит на следы иглы и неожиданно понимает, что ремешок порвётся снова: Мара пришивает его к старой коже, которая уже разохлась.

— Дай, — говорит она.

— Я почти закончила.

— Поэтому и жалко.

Мара отдаёт сапог неохотно. Илара распарывает два стежка, ставит под ремешок узкую полоску кожи, вырезанную из внутренней стороны собственного пояса, и прошивает насквозь. Пальцев не хватает, чтобы удерживать шило привычным способом; она прижимает его к ладони костяшкой и тянет нить зубами. Делает это быстрее, чем Мара успевает предложить помощь.

— Ты у кого училась? — спрашивает та.

— У людей, которые не могли позволить себе новые сапоги.

За окном снова проходит аэрхан. На этот раз близко. Его тень ложится на кровати, скользит по потолку и исчезает.

— Серый? — спрашивает Илара.

— Наверное. Их три серых.

— У этого крыло ушито.

— Тогда Гайр. Он давно не летает с людьми.

— Почему?

Мара забирает сапог и проверяет ремешок.

— Спроси у Ардана. Он тоже давно не летает, но говорить об этом любит ещё меньше.

Илара уходит на медосмотр через десять минут. Во дворе уже переставили строительные леса, открыв проход к западной башне. Под её крышей висит большой бронзовый колокол. На боку колокола трещина, а под ним привязана плотная ткань, чтобы ветер не раскачивал язык. Илара задерживается на секунду. Её брат писал о трёх ударах этого колокола, хотя в официальном отчёте утверждалось, что в ночь его исчезновения сигналы не подавались.

Она идёт дальше. Имя наконец попало в ведомость. Осталось выяснить, почему командир лётного отделения решил подписать её позднее зачисление и как долго он позволит ей здесь оставаться.

Глава вторая. Врач и командир

В лазарете очередь движется медленно, но никто не жалуется. Те, кто уже прошёл осмотр, выходят с маленькими бумажками в руках и выражением людей, которым только что объявили цену ремонта крыши. Один парень садится прямо на ступеньки, разворачивает бумажку и перечитывает её три раза, словно состояние его лёгких может улучшиться от внимательного чтения.

Илара ждёт под навесом. Когда до неё остаётся двое, из кабинета выходит женщина в белом фартуке и выносит таз с водой. Вода розовая. Женщина замечает, что Илара смотрит на таз, и говорит:

— Носовое кровотечение. У половины первокурсников оно начинается после первой высоты. Если не любите кровь, самое время передумать.

— Мне не мешает.

— Всем так кажется до первого подъёма.

Она уходит. Илара смотрит на свою руку и вспоминает, как в шестнадцать лет зажала её в парусной машине. Тогда кровь тоже почти не мешала. Мешала мысль, что управляющая вычтет из жалованья испорченное полотно. Она действительно вычла. Два пальца оказались бесплатными.

Врач принимает её после полудня. Невысокая женщина со стрижкой, сделанной либо очень дёшево, либо своими руками. На столе у неё лежат раскрытый анатомический атлас, недоеденное яблоко и список фамилий. Женщина ставит Иларе термометр, слушает сердце, проверяет зрение и только потом просит показать руку.

— Чем работали?

— В мастерской парусов.

— Сейчас?

— Уволилась.

— Не спрашиваю почему. Сожмите кулак.

Илара сжимает. Врач пытается разогнуть её пальцы, проверяет силу захвата и кивает с неожиданным удовлетворением.

— Левая рука сильнее. Это даже полезно. Вы можете удерживать страховочный ремень с весом собственного тела?

— Могу показать.

— Не здесь. У меня стол старый.

Врач поворачивает лист и видит поправку к приказу. Её лицо не меняется, но палец задерживается на подписи.

— Ардан вас рекомендовал?

— Он подписал допуск.

— Я спросила другое.

— Мы не знакомы.

Врач поднимает глаза. Ей приходится несколько секунд решить, продолжать ли разговор. Наконец она пишет в графе «годна условно» и ставит свою печать.

— На первое испытание пойдёте. Если будете чувствовать онемение кисти, скажите мне раньше, чем пальцы перестанут слушаться. У нас принято скрывать травмы, пока человек не падает с башни. Неловкая традиция.

— Спасибо.

— И ещё: бумагу с допуском никому не отдавайте, кроме начальника курса. У нас любят терять документы тех, кто приехал без покровителя.

Илара складывает лист. Она не спрашивает, замечала ли врач подделки раньше. Иногда благодарность и так слишком многословна.

На плацу к этому времени собрались кандидаты. Их меньше, чем Илара ожидала: чуть больше двадцати. У края стоят трое инструкторов, а рядом с ними высокий мужчина в расстёгнутой форме. Он разговаривает со слесарем, указывает на крепление каната и время от времени смотрит вверх, где кружит Гайр. Мужчина не похож на представление Илары о командире. У него застарелый синяк на скуле, сапоги покрыты известью, и он не повышает голос, хотя слесарь упорно делает вид, что не понимает, о каком креплении речь.

Когда их разговор заканчивается, мужчина поворачивается к кандидатам.

— Кел Ардан, — шепчет Мара у Илары за плечом. — Если спросит, умеешь ли плавать, отвечай правду. Он почему-то всегда это выясняет.

— А мы будем плавать?

— В прошлый раз не пришлось.

— Неутешительно.

Ардан смотрит в список. У него нет привычки держать паузу ради эффекта; когда он находит нужную строку, сразу начинает говорить.

— Первое испытание пройдет сегодня на западной площадке. Прыгать никуда не нужно. Поднимемся на двести локтей, проверим работу в ветре и спустимся. Если у кого-то болит ухо, кружится голова или вчера было трудно дышать на лестнице, скажите сейчас.

Никто не говорит.

— Хорошо, — продолжает Ардан. — Тогда я спрошу после подъема, и вам будет стыднее.

Несколько человек смеются. Илара замечает, что слесарь за его спиной всё ещё возится с креплением. Ржавый болт не входит в отверстие, как его ни поворачивай. Если это подъёмник, она не хочет становиться его пассажиркой.

Ардан проводит пальцем по ведомости.

— Венн. Вы прибыли сегодня.

— Да.

— Медицинский допуск есть?

Она передаёт ему бумагу. Ардан читает, останавливается на печати врача и снова смотрит на её руку. Не спрашивает о пальцах. Он смотрит на след от машинной смазки под ногтем, который она не смогла отмыть в дороге.

— Вы работали с механизмами?

— С парусами. Иногда с механизмами, которые их рвали.

— Тогда подойдите к мастеру. Ему нужна лишняя пара глаз.

Илара ожидает ловушки, но Ардан уже вызывает следующего. Она идёт к слесарю. Тот встречает её взглядом человека, который не просил помощников и не собирается радоваться их появлению.

— Болт не тот, — говорит она после минуты наблюдения.

— Я вижу.

— Тогда зачем вкручиваете?

— Потому что нужный потеряли.

Ей нравится честность, хотя причина не понравилась бы никому, кто собирается подниматься на двести локтей. Слесарь показывает ей замещающую пластину, и они вместе находят способ закрепить её под другим углом. Работа занимает четверть часа. Ардан дважды подходит, уточняет, сколько времени понадобится, и оба раза получает правдивый ответ. Когда подъёмник наконец готов, он велит посадить в него инструкторов первыми.

— Я бы всё равно так сделала, — говорит Илара.

— Поэтому вы здесь, — отвечает Ардан.

Она не успевает спросить, имеет ли он в виду сегодняшний ремонт или поправку в её документах. Подъёмник дёргается, цепь натягивается, и разговор заканчивается. Мара зовёт Илару в следующую корзину.

С высоты двор становится похож на чертёж, испорченный грязной водой. Рабочие передвигаются вдоль стены, как чёрные точки, ремонтные леса кажутся непрочными, а за краем уступа открывается долина. Илара видит дорогу, по которой приехала, и понимает, насколько близко телега шла к обрыву. Возница не предупредил её. Возможно, даже не счёл это достойным рассказа.

На половине подъёма корзина останавливается. Гайр пролетает над ними, так близко, что ветер от крыла прижимает людей к ограждению. Один кандидат вскрикивает. Мара вцепляется в ремень, а Илара замечает под левым крылом зверя три медных колокольчика. Один чуть выше остальных. На нём лопнула дужка, и он бьётся о цепочку, не издавая звука.

Почему-то это её тревожит сильнее, чем расстояние до земли.

На площадке их встречает инструктор и выдаёт каждому связку тонких шнуров. Нужно пройти вдоль стены, привязать шнуры к отмеченным кольцам и вернуться до того, как воздушный поток сменится. Работа проста, если не смотреть вниз. Те, кто слишком старательно не смотрит, путают кольца, и им приходится возвращаться. Илара проходит медленно. Рука с недостающими пальцами скользит по камню, левую она оставляет свободной для узлов. Ветер здесь ровный, тёплый. Он дует не из долины, а из щели в стене.

Она заглядывает туда. Внутри стены обнаруживается маленький канал. По нему тянет холодом, а на камне вокруг выхода осел белый порошок.

— Венн, — зовёт Ардан. Он стоит у начала площадки. — Что там?

— Воздуховод.

— Откуда он идёт?

— Не знаю. По запаху — откуда-то снизу.

Ардан подходит и сам принохливается. На секунду его лицо становится другим, лишённым служебной вежливости.

— Закончите упражнение, — говорит он. — Потом спускайтесь.

— А это?

— Я проверю.

Он ждёт, пока она отойдёт. Илара успевает привязать последний шнур, прежде чем за стеной слышится негромкий удар, а вслед за ним второй. Совсем не похожий на шаги.

Она смотрит на Ардана. Он уже наклонился к воздуховоду. На её взгляд не отвечает.

На нижней площадке Мара спрашивает, почему она задержалась. Илара рассказывает о канале. Мара морщит нос.

— В Сарне половина стен полая. Поднимут тревогу, если там что-нибудь опасное.

— А если не поднимут?

— Тогда об этом забудут до следующей зимы.

Илара смотрит на закрытую дверь воздуховода. Когда они уходят, солдат у башни меняет арбалет из одной руки в другую и остаётся на месте.

Глава третья. Ведомость

В столовой подают густую похлёбку, которую повар называет мясной только потому, что в ней однажды варили мясо. Кандидаты едят быстро. За длинными столами обсуждают подъём, ветер, чужие ошибки и то, кто удержался бы на площадке без страховки. Те, кто сильно испугался, говорят громче остальных. Илара садится рядом с Марой, но почти не слушает. У западной башни теперь стоит солдат, которого раньше не было. Он держит арбалет на коленях и смотрит на дверь воздуховода.

— Ардан всё-таки поднял охрану, — говорит она.

Мара оглядывается через плечо.

— У нас охрана появляется после каждой грозы. Обычно там просто затопило пороховой склад.

— А где старые записи полётов?

— Зачем тебе?

— Хочу узнать, когда ушивали крыло Гайру. Если шов старый, странно, что он летает над подъёмником.

Мара отламывает кусок хлеба. Она смотрит на Илару дольше, чем требует вопрос. В комнате они обе успели выучить, сколько стоит дружелюбное молчание; теперь Мара решает, стоит ли его нарушать.

— Архив в южном корпусе, — говорит она. — На втором этаже, после кабинета снабженца. Старые ведомости по зверям хранят отдельно. Туда пускают только инструкторов.

— А новые?

— На первом. Чтобы писарям было меньше ходить.

Илара доедает похлёбку. Мара не спрашивает, что ей понадобится на первом этаже. Такое доверие почти так же неудобно, как недоверие.

В южном корпусе пахнет бумагой и влажным войлоком. На стене висит список караулов; под ним два писаря спорят, кому достанется ночная смена. Илара проходит мимо с рулоном парусины под мышкой. Рулон она одолжила в ремонтной мастерской, оставив у мастера своё имя и обещание вернуть до вечерней переключки. Это даёт ей вид человека, которого куда-то послали, а в Сарне таких пропускают охотнее, чем людей с хорошими объяснениями.

На первом этаже открыты три двери. За одной считают жалование. За второй правят чертежи. За третьей хранится текущий журнал полётов. Илара ждёт, пока из комнаты выйдет писарь с кипой бланков, и заходит следом. Внутри никого. На столе лежат книги в полотняных обложках, каждая с датами на корешке. Она находит нужный месяц и раскрывает журнал.

Список устроен просто: аэрхан, связной, пассажиры, груз, время подъёма и посадки. Пустые строки перечёркнуты по линейке. Если зверь не возвращается, в графе посадки ставят чёрную точку. Год назад Левин Венн числится штурманом Гайра в трёх рейсах. В четвёртом строка обрывается. Под графой «посадка» нет ни точки, ни времени. Есть только аккуратно выскобленное пятно размером с ноготь.

Илара проводит по бумаге подушечкой пальца. Волокна приподняты. Пятно выскоблили позже, когда чернила уже успели вьестся. На соседнем листе сохранился отпечаток старой записи. Она наклоняет книгу к свету и разбирает два слова: «третий звон». Её брат написал то же самое в письме.

В коридоре приближаются шаги. Илара успевает закрыть журнал и поставить его на место. В дверь входит пожилой писарь, несущий под мышкой счёты. Он замечает рулон парусины, потом её лицо.

— Вы от кого?

— Из мастерской. Спрашивали размеры для переплёта журнала.

— Какого ещё переплёта?

Илара оглядывает стол. Большой журнал с порванным корешком лежит возле окна.

— Этого, кажется. Мне сказали узнать, сколько ткани уйдёт.

Писарь смотрит на журнал у окна и вздыхает. Видимо, с ним действительно собирались что-то делать, только ему не сказали.

— Меряйте. Потом положите как было. У меня отчёт.

Он садится, раскладывает счёты и теряет к ней интерес. Илара обматывает порванную книгу парусиной, прикидывает расход и уходит. Уже на лестнице она чувствует, как под воротником течёт пот. Не от страха быть пойманной. От того, что впервые за год у неё в руках было доказательство: Левин не просто исчез в полёте. Кто-то вернул Гайра и исправил журнал.

Она идёт не в жилой корпус, а к западной башне. Солдат всё ещё стоит у входа. Теперь он разговаривает с Арданом. Командир держит маленький мешочек из белой ткани, завязанный на три узла. Илара успевает увидеть его только мельком, но узнаёт порошок, осевший у воздуховода: им набивают ловушки для непрошенных зверей, потому что этот запах сбивает их с маршрута.

Ардан замечает её раньше, чем она успевает уйти.

— Венн. Вы обещали мастеру вернуть парусину до переклички.

— Ещё не вечер.

— Поэтому я и удивлён, что она уже с вами.

Солдат отводит глаза. Илара смотрит на Ардана и понимает, что он уже знает, где она была. Возможно, мастер рассказал. Возможно, в архиве всё-таки есть ещё один выход и пожилой писарь позвал кого-нибудь, как только она спустилась по лестнице.

— Нашли размер? — спрашивает Ардан.

— Нашла старую запись. О полёте Гайра.

Ардан ждёт. У него хватает терпения не задавать следующий вопрос за неё.

— Левин Венн был на борту, — говорит Илара. — В строке о посадке кто-то стёр время. Но Гайр вернулся.

Солдат поднимает голову. На лице у него появляется не удивление, а желание оказаться в другом месте.

— Пройдёмте, — говорит Ардан.

Он ведёт её в тесную комнату возле караульной. Там пахнет сырым деревом. На стене висят ключи, половина гвоздей пустует. Солдат остаётся снаружи. Ардан закрывает дверь, но не запирает.

Ардан говорит, что Левин числится пропавшим без вести. Илара спрашивает, почему в копии, присланной семье, написано «дезертировал». На секунду кажется, что он повторит ей правило о разнице между предварительным и окончательным отчётом. Вместо этого достаёт из шкафа служебный журнал и кладёт на стол. В графе получения стоит его подпись; рядом указан номер отдельного возражения, которого нет в деле Левина.

— Я видел пустое седло, — говорит он. — Гайр вернулся после третьего удара. Я вылетел следом за вашим братом и не встретил его ни в коридоре, ни у башни. Написал об этом ночью. Мне сказали, что приложат лист к отчёту.

— А вы проверили?

— Через месяц. Лист уже не нашли. Я подал второй запрос и принял командование курсом. Потом перестал спрашивать. Это не та часть истории, о которой мне приятно рассказывать.

Илара ставит парусину на стол. Она знала, что кто-то должен был видеть возвращение Гайра, но не ожидала встретить этого человека на плацу в первый же день. Ещё меньше — услышать от него, как легко исчезает возражение, если тот, кто его подал, однажды устанет искать ответ. Ардан сообщает, что написал семье. Она говорит, что письма не было. Он назы-

вает штабной адрес, и у неё холодеют руки: там они не жили уже три года. Ни он, ни штаб не проверили.

За дверью кто-то смеётся, проходит дальше по коридору. Внутри комнаты тихо. Ардан открывает шкаф, достаёт тонкую папку и кладёт перед Иларой. Папка перевязана шнуром, печати на ней нет.

— Здесь копия того, что я успел записать той ночью. Читать можете здесь. Забрать не дам.

— Почему?

— Потому что оригинал уже забрали, а копия одна.

Она развязывает шнур. На первом листе схема облачного фронта, на втором перечень сигналов, услышанных с башни. Три удара западного колокола отмечены рукой Ардана. Ниже приписано: «После третьего сигнала Гайр прошёл сквозь закрытый коридор. Штурман отсутствует. Седло пустое. На левом боку зверя светлая метка, ранее не наблюдавшаяся». Илара перечитывает последнюю фразу.

— Какая метка?

— Не знаю. Я видел свет на боку Гайра. Он исчез до того, как я успел подойти.

Илара переворачивает лист. Остальная часть отчёта залита водой; чернила расплылись.

— Кто испортил его?

— Я. В затопленном отсеке было двое раненых. Держал папку под курткой, но она всё равно промокла.

Под шнуром лежит третий лист, копия письма семье. Илара поворачивает его к Ардану адресной строкой: там их старый дом, проданный после смерти матери. Дата верная, почерк его, ошибка чужого писаря — возможно. От этого не легче. Она складывает письмо отдельно от свидетельства и оставляет на столе, чтобы он увидел: нельзя считать дело исполненным только потому, что копия осталась у отправителя.

— Если узнаете ещё что-то, я не хочу ждать, пока это пройдёт через штаб.

— Не будете. И я подпишу повторное свидетельство своим именем. В прошлый раз дал им забрать оригинал и успокоился тем, что оставил копию. Больше этого не хватит.

— И не удерживайте меня от архива.

— С этим сложнее. Вас могут отчислить.

— Тогда дайте доступ официально.

Ардан берёт парусину со стола и сворачивает её ту же.

— Вы здесь второй день.

— Первый.

— Тем более.

Она забирает рулон. По дороге к двери останавливается.

— Это вы подписали поправку к моему делу?

— Да.

— Зачем?

— Вы трижды подавали прошение. В одном указали, что умеете чинить крыловые швы. Мне был нужен такой человек.

— Вы знали, чья я сестра.

— Знал.

— И решили держать под рукой.

— Решил, что если вы всё равно придёте, лучше пусть у вас будет допуск, страховка и врач, который знает ваше имя.

Илара смотрит на него. Он не пытается убедить её, что это благородный поступок. Скорее, сам считает решение сомнительным.

— Гайр летает со старым швом, — говорит она. — Я видела его сегодня. Если крыло порвётся, ваша страховка ему не поможет.

— На завтра назначен осмотр.

— Назначьте на сегодня.

Ардан собирается возразить, но вместо этого спрашивает:

— Вы сможете посмотреть шов?

— Если зверь подпустит.

— Он никого не подпускает.

— Тогда зачем спрашивать?

— Ваш брат был последним, кого он подпустил.

— Покажите, как к нему подойти, — говорит Илара.

Глава четвёртая. Гайр

Клетка Гайра находится не в башне, а за ней, на открытой площадке с низкой стеной. Клеткой это называют по привычке: толстая цепь пристёгнута к вбитому в камень кольцу, а над местом стоянки натянут тент. Зверь может взлететь, если захочет, и кольцо вырвет вместе с половиной площадки. Похоже, цепь нужна людям, чтобы не забывать о собственной власти.

Гайр лежит, поджав больное крыло. Вблизи он меньше, чем казался над плацем, но всё равно занимает почти всю площадку. На морде у него жёсткие светлые пластины, между ними видна тёмная кожа, а под шеей — короткая шерсть, в которой застряла солома. Пахнет он мокрым железом и чем-то сладким, гниющим. У края тента стоят двое зрителей. У одного перемотано запястье. Они не скрывают облегчения, когда Ардан говорит, что осмотрит зверя сам.

— Обычно сюда зовут лекаря, — замечает Илара.

— Звали. Гайр сломал ему лопатку.

— Лекарь поправился?

— Да. Настроение — нет.

Ардан показывает ей путь по площадке: заходить сбоку, не за спиной, не смотреть прямо в глаза и не делать резких движений над мордой. Он говорит быстро, по делу, будто передаёт новую работницу мастеру. Илара слушает. В мастерской её ругали за самоуверенность достаточно часто, чтобы она научилась отличать обиду от полезного предупреждения.

Они подходят. Гайр поднимает голову. На его шее колокольчики издали казались украшением; теперь Илара видит, что они прикреплены к одному ремню со старой навигационной биркой. На металле выгравирован номер маршрута. Два знака стёрлись, третий цел: семь.

— Он звенит, когда летит? — спрашивает она.

— Раньше звенел.

— У верхнего сломана дужка.

— Я видел.

— Давно?

— С той ночи.

Илара не отвечает. Левин мог трогать этот ремень перед последним полётом. У неё появляется нелепое желание снять его и забрать. Вместо этого она просит у Ардана шнур, завязывает волосы и берёт ведро воды. Сначала нужно увидеть шов.

Гайр не позволяет ей подойти к крылу. Он отодвигается и ударяет хвостом о камень. Оба зрителя делают шаг назад. Ардан остаётся рядом, но тоже не вмешивается.

— Ему больно, — говорит Илара.

— Поэтому мы здесь.

— Я говорю о другом. Под крылом что-то зажато.

Ардан обходит зверя и приседает, стараясь не касаться перепонки. Из-под кожистой складки торчит осколок древесины. Он застрял не в ране, а в шовной ленте. Каждый раз, когда Гайр складывает крыло, дерево тянет за старую рубцовую ткань.

— У нас нет щипцов такой длины, — говорит один из зрителей.

— Дайте мне нож с длинной ручкой, — просит Илара.

— Он схватит тебя раньше, чем ты туда доберёшься.

— Тогда пусть кто-нибудь разговаривает с ним спереди.

Все смотрят на Ардана.

— Левин так делал, — говорит он.

Илара поднимает голову.

— Что именно?

— Говорил с ним, пока работал с крылом. О погоде. О людях, которые задолжали ему деньги. В основном жаловался на тебя.

Она чувствует неожиданный укол нежности. Левин дома почти никогда не говорил о работе. Он приходил голодный, засыпал прямо за столом, а утром снова уходил.

— На что жаловался?

— Что ты чинишь чужие вещи лучше своих и не умеешь просить за это плату.

— Это не жалоба. Это его любимая тема.

Илара садится на корточки у плеча зверя. Гайр поворачивает к ней голову. Она не смотрит ему в глаза, а говорит о дороге из порта, о вознице, который вёл мула быстрее, когда думал, что рядом никого нет, и о том, что Левин всегда оставлял чашку на полу возле кровати, хотя знал, что она на неё наступит. Говорить приходится долго. Голос кажется ей чужим. Ардан слушает и понемногу ослабляет ремень у основания крыла.

Гайр позволяет ей прикоснуться.

Она проводит пальцами вдоль шва. Лента влажная, местами потемнела, но держится. Осколок дерева входит под неё косо; вытащить силой — значит порвать перепонку. Илара просит тонкий скальпель. Врач прислала набор, хотя лично подходить отказалась. Хорошая женщина.

— Подержите здесь, — говорит Илара Ардану.

Он кладёт ладонь на крыло там, где она показывает. Его пальцы почти касаются её пальцев. У него широкая тёплая ладонь, но держит он осторожно. От этого Илара вдруг слишком ясно чувствует, как близко он стоит, и злится на себя за несвоевременную мысль. Возле них лежит раненый зверь, а она оценивает тепло чужой руки.

Она подрезает две петли и вытаскивает древесину. Гайр вздрагивает, из его горла вырывается низкий звук. Не крик. Скорее облегчение человека, с которого сняли тесный сапог. Ардан не убирает руки, пока Илара не закрепляет ленту новой ниткой.

— На сегодня всё, — говорит она. — Крыло должно оставаться сложенным. Завтра можно проверить, как тянется шов.

— Он не останется на земле, если захочет взлететь.

— Тогда не давайте ему причин хотеть.

Ардан смотрит на зрителей. Те кивают с видом людей, которым приказали контролировать погоду.

Илара поднимается и только теперь понимает, что у неё затекли ноги. Ардан ловит ведро, которое она задевает локтем. Вода не проливается. Он ставит его на камень и молча протягивает ей чистую тряпку.

— Левин знал, что шов плохой? — спрашивает она.

— Да. Он писал об этом в заявке на ремонт.

— Почему не сделали?

— Заявку отклонили. Считали, что зверь ещё выдержит два рейса.

— И он выдержал?

— Один.

Гайр двигается за их спинами. Колокольчик с целой дужкой звенит раз, потом второй. Илара оборачивается. Зверь смотрит на неё. Не на Ардана. На её руку, в которой она держит вынутый из крыла осколок.

Дерево чёрное с одной стороны. Под древесиной скрыта тонкая металлическая пластина. Илара счищает грязь ногтем и видит на ней выбитый номер: семь.

— Это не случайная щепка, — говорит она.

Ардан берёт пластину. Его лицо сразу меняется.

— Откуда она?

— Была под швом. Вы узнаете?

— Такая же стояла на спасательном ящике вашего брата.

Они смотрят на крыло Гайра. Ящик с номером семь исчез вместе с Левином. Теперь его обломок спрятан под старой лентой, и невозможно понять, попал он туда во время падения или кто-то зашил его нарочно.

Ардан отправляет смотрителей за врачом и остаётся с Иларой. Без посторонних площадка кажется меньше. Где-то внизу разбирают строительные леса; крики рабочих слышны сквозь ветер. Гайр закрывает глаза.

— Мне нужно найти того, кто делал шов, — говорит Илара.

— Это я.

Она поворачивается к нему.

— Вы только что сказали, что заявку отклонили.

— Я зашил крыло после возвращения. Не всю рану. Временную ленту. Было темно, зверь вырывался, а я старался остановить кровь.

— Вы могли не увидеть пластину.

— Мог.

— Или могли увидеть и оставить.

— Мог и это.

Он выдерживает её взгляд. В его ответе нет ни обиды, ни попытки понравиться. Илара злится сильнее, потому что не может заставить его стать проще.

— Скажите, что было в спасательном ящике.

— Парашютная ткань, сигнальные заряды, вода. И журнал маршрута.

— Журнал тоже исчез?

— Да.

— Тогда он может быть у Левина.

— Если Левин жив.

Она отворачивается к зверю. Ей не нужен человек, который будет щадить её ложью. Но правду услышать тоже трудно.

— Если жив, — повторяет она.

Гайр открывает глаз. В нём отражается западная башня с треснутым колоколом. Илара не знает, способен ли аэрхан помнить человека так, как помнят люди. Но когда она произносит имя Левина, зверь поднимает голову и издаёт тот самый короткий хрип, который слышался ей во дворе.

Ардан замечает это. Оба молчат.

Впервые за год Илара позволяет себе подумать, что брат мог не умереть.

Глава пятая. Третий звон

Утром она просыпается раньше колокола. Мара ещё спит, завернувшись в одеяло с головой, и сквозь открытую форточку в комнату тянет холодом. Илара лежит несколько минут и слушает крепость. Из мастерской доносятся удары молотка. Под окном спорят два человека, один хочет перенести тренировку из-за ветра, другой говорит, что ветер как раз и нужен. К обычным звукам примешивается тихий звон — Гайр двигается на своей площадке. Его колокольчики различить трудно, но после вчерашнего она узнаёт их сразу.

В письме Левина есть строчка, которую она до сих пор не смогла понять: «Слушай не третий удар, а паузу после него». Лист подсунули под их дверь через месяц после исчезновения, без конверта и подписи доставившего. Брат часто оставлял такие заметки, когда они вместе чинили паруса. Он мог написать «не тяни левую стропу» и ожидать, что она сама догадается, какую именно. Когда у него было время объяснять, он объяснял хорошо. В последнем письме времени у него, видимо, не было.

Она достаёт лист из подкладки. Края стали мягкими от частого складывания. На обороте Левин нарисовал три маленькие окружности и одну большую. Раньше Илара принимала рисунок за схему колоколов башни. Теперь думает о трёх колокольчиках на ремне Гайра.

Мара просыпается, пока она рассматривает письмо. Сначала смотрит на её лицо, потом на лист. Отводит глаза слишком поздно.

— Твой брат? — спрашивает она.

Илара удивляется.

— Кто сказал?

— В списке пропавших есть Венн. Я видела его год назад, когда нас водили в штаб подписывать присягу. В Сарне редко встречаются одинаковые фамилии, если люди не приехали вместе.

— Ты могла спросить вчера.

— Могла.

— Почему не спросила?

Мара садится, стягивает одеяло с плеч и ищет ногами сапоги.

— Потому что ты и так знаешь, зачем приехала. Мне не нужно делать вид, что открыла это первой.

Илара складывает письмо. Она не готова благодарить Мару за такт, поэтому говорит, что сегодня ей понадобится доступ к столовой раньше остальных. Мара умеет доставать завтрак для тех, кто несёт утреннюю вахту; за две миски каши она требует подробностей о вчерашнем осмотре Гайра. Илара рассказывает о шве, о пластине из спасательного ящика и о том, как Ардан признался, что накладывал ленту сам. О той части разговора, где он произнёс «если Левин жив», не говорит. Это пока принадлежит только ей.

Перед тренировкой Илара идёт к западной башне. Слесарь меняет крепление у большого колокола и разрешает ей подняться, если она не будет трогать инструмент. На площадке видно, что трещина идёт почти от края до середины. Такой колокол не способен дать чистый третий удар. Первый ещё прозвучит, второй сорвётся, а третий будет больше похож на хрип, чем на сигнал.

Слесарь показывает ей трещину ключом. Она появилась в прошлом феврале: под колоколом развели жаровню, чтобы язык не примерзал, и кто-то ударил по нагревающейся бронзе. Илара спрашивает, было ли это до исчезновения Левина. Слесарь убирает ключ. Он чинил брату крепления седла и теперь узнаёт фамильный нос, который она от него унаследовала. Говорит о Левине в прошедшем времени, не заметив, как она прижимает ладонь к холодному краю колокола.

— Сколько ударов ты слышал в ночь его вылета?

— Два с башни. Потом ещё звон, помельче, но я был внизу. Ветер умеет перекидывать звук через стену.

Илара достаёт из кармана лист Левина и разворачивает рисунок. Три маленькие окружности, одна большая. Большой колокол молчит после второго удара. Третий звук идёт от зверя. Пауза между ними — время, за которое Гайр проходит невидимый участок пути.

Она не понимает, как это помогает найти Левина, но впервые рисунок перестаёт быть бессмыслицей.

Слесарь видит почерк на листе и советует показать его Ардану. В ту неделю командир каждый вечер поднимался к треснувшему колоколу и расспрашивал дежурных о третьем ударе. Слесарь начинает завинчивать новое крепление, пока Илара складывает письмо. Если Ардан задавал те же вопросы, что и она, почему никто не записал ответы рядом с именем Левина?

На учебной площадке сегодня учат закрепляться в седле. Седло лежит на деревянной раме, которую с помощью канатов раскачивают двое инструкторов. Пока кандидаты осваивают ремни на земле, всё кажется простым. Когда раму поднимают на высоту трёх человеческих ростов и начинают крутить, половина забывает, какая пряжка открывается левой рукой, а какая правой. Илара считает пряжки на ощупь, как когда-то считала петли на станке, и справляется быстро. Однако страховочный ремень перекручивается у неё под бедром, и после третьего поворота она висит вниз головой.

— Не дёргайся, — говорит Ардан снизу. — Дотянись до боковой петли.

— Я до неё не достаю.

—левой рукой.

—левой держу вес.

—Тогда правой.

—Блестящий совет.

Мара, ожидающая своей очереди, смеётся. Ардан нет. Он ставит ногу на нижний канат, поднимается к раме и показывает, как перебросить ремень через колено. Илара повторяет. Не с первого раза. На третьем повороте пальцы наконец находят петлю, и она возвращается в седло.

— Дальше сама, — говорит Ардан.

— Я уже поняла.

— Хорошо.

Он спускается. Она замечает, что, когда он поднимался, у него под воротником блеснула цепочка с маленькой медной пластиной. На ней выгравирован тот же номер, что на навигационной бирке Гайра: семь.

После тренировки он отдаёт ей журнал с отметкой «зачтено» и просит задержаться. Другие кандидаты идут в столовую. Мара изображает, что возится с ремнём, но Ардан вежливо и достаточно твёрдо отправляет её следом.

— Вы поднялись к колоколу, — говорит он.

— Слесарь не возражал.

— Мне не нужен донос. Я спрашиваю, что вы увидели.

— Он не мог дать три удара в ту ночь. Слесарь слышал два с башни и третий откуда-то ещё.

— От Гайра.

— Вы знали?

— Подозревал. Колокольчики на ремне появились после возвращения.

Илара достаёт письмо, но не отдаёт. Показывает рисунок с тремя маленькими окружностями и одной большой. Ардан наклоняется, чтобы прочесть текст. Его плечо оказывается рядом с её плечом. На ветру от него пахнет кожей, холодной водой и мылом, и Илара на мгно-

вание теряет строку, которую собиралась показать. Она сердится на себя; ещё больше — на то, что он этого не замечает.

— «Слушай не третий удар, а паузу после него», — читает Ардан. — Он оставил вам это до вылета?

— Письмо пришло через месяц после исчезновения. Без конверта. Его просунули под нашу дверь.

— Почему вы не сказали вчера?

— Потому что вы сами решили, что я готова слушать вас только в закрытой комнате караульной. Я ещё не решила, готова ли отвечать тем же.

Ардан принимает упрёк молча. Илара показывает ему рисунок. Он берёт с ящика кусочек угля и чертит на доске башню, площадку Гайра и узкий участок воздушного пути между ними. Маленький звериный колокольчик не мог быть слышен на плацу, если Гайр находился дальше восточной стены. Значит, после второго удара он ещё кружил рядом. В официальном отчёте указано, что он сразу ушёл на север.

— Кто слышал звук? — спрашивает Илара.

— Я. Караульный. Ещё двое на подъёмнике.

— И все четверо согласились, что он был на севере?

— Трое подписали отчёт. Я отказался.

— А четвёртый?

— Погиб через два дня. Падение с лестницы.

Она смотрит на доску. Такое совпадение имеет право случиться однажды. На второй раз оно требует расследования.

— Кто был караульным?

Ардан стирает уголь ладонью.

— Капитан Ренс. Сейчас он заведует снабжением.

— Я проходила мимо его кабинета вчера.

— Поэтому сегодня больше туда не пойдёте.

— Он исправил журнал?

— Не знаю.

— Он мог удержать Гайра возле стены?

— Мог, если знал старый сигнал.

— А вы знаете?

Ардан смотрит на неё. Ветер срывает с доски угольную пыль.

— Знал Левин.

— Теперь знаю и я.

— Пока нет. Мы знаем, что пауза важна. Не знаем почему.

Илара хочет спорить, но он прав. Её брат любил оставлять подсказки в таком виде, будто мир обязан быть сообразительным. Больше всего это бесило, когда на кону стояла испорченная ткань. Теперь на кону его жизнь.

— Если хотите, чтобы я перестала ходить в архив, — говорит она, — покажите мне всё остальное.

— Сегодня вечером. После смены Ренса.

— Вы ему не доверяете.

— Уже нет.

Она убирает письмо. Ардан отходит на шаг, оставляя ей достаточно места, чтобы пройти. Ей почему-то хочется, чтобы он остался ближе. Она проходит мимо, прежде чем успевает сказать что-нибудь глупое.

Глава шестая. Ночная смена

Вечером дождь идёт почти горизонтально. В столовой окна заложили ставнями, но ветер всё равно свистит в щелях. Мара приносит две кружки чая и спрашивает, собирается ли Илара на ночь оставаться в корпусе. Илара отвечает, что идёт разбирать бумаги с Арданом. Мара смотрит на неё с таким выражением, что приходится добавить: именно бумаги.

— Я ничего не сказала.

— У тебя лицо сказало.

— Моё лицо никому ничего не должно.

Мара отпивает чай, обжигается и ругается. У неё есть способность возвращать разговор к обычным вещам именно в тот момент, когда Иларе кажется, что крепость вот-вот начнёт рушиться под весом секретов. За это ей хочется обнять Мару, но они знакомы меньше двух дней, поэтому Илара просто оставляет ей свой кусок хлеба.

Кабинет Ардана находится в западной башне на этаж ниже колокола. Там неуютно: два стола, карта на стене, узкая кушетка и стеллажи с журналами. Зато тепло. В углу горит печь, возле неё сохнут сапоги и пара детских шерстяных перчаток. Илара останавливается на них взглядом.

— У меня нет детей, — говорит Ардан. — Это смотрительские. Его дочь забыла их вчера.

— Я не спрашивала.

— Но собирались.

— Возможно.

Он ставит перед ней стопку ведомостей. В течение часа они ищут рейсы Гайра за прошлую зиму. Илара переписывает даты, Ардан сверяет погоду и состав экипажа. Один раз они спорят из-за почерка писаря. Второй раз — из-за того, как считать смену, начавшуюся до полуночи. К середине работы на столе появляются две разные последовательности. По первой Гайр совершил восемь обычных полётов и один аварийный. По второй — семь обычных и два аварийных, причём второй в журнал вообще не внесён.

— Вот почему вы держали копию, — говорит Илара.

— Мне не нравилось, как быстро закрыли дело.

— И всё же вы продолжили служить здесь.

Ардан кладёт перо.

— Я мог уйти. Тогда ведомости переписали бы окончательно.

— Вы могли рассказать людям.

— Я пытался. Без доказательств получилась история про сломанный колокол и зверя, вернувшегося без человека. Империя слышала истории и похуже.

Она хочет спросить, почему он не нашёл её лично. Уже знает ответ: в том году из порта ушли сотни семей, а он не знал нового адреса. Всё равно ждёт, пока он сам скажет, что попробовал бы ещё раз, если бы знал, куда писать. Он не говорит, и ей приходится напомнить себе, что она пришла сюда за сведениями о Левине, а не за извинениями от каждого, кто опоздал помочь.

Во время перерыва Ардан наливает чай. Илара подходит к карте на стене. Северные маршруты отмечены синим, безопасные коридоры — белым. Между ними есть пустое место неправильной формы. Бумага там пожелтела иначе, будто сверху долго висела ещё одна карта.

— Что было здесь?

— Старый путь через грозовой пояс.

— Почему сняли карту?

— Закрыли проход после войны. Официально там больше нечего искать.

— Неофициально?

— Там исчезает то, что люди не умеют объяснять. Поэтому путь и закрыли.
Илара поворачивается к нему.

— Вы снова говорите так, чтобы ничего не сказать.

Ардан ставит кружку на стол и некоторое время молчит. За стеной гремит дождь. Он берёт с полки тонкую папку, раскрывает на снимке, сделанном с высоты. В кадре горный перевал, облака и белое пятно, слишком ровное для снега. На другом снимке пятно сдвинулось, хотя остальные ориентиры остались на месте.

— Это проход, — говорит он. — Мы не знаем, куда. Он появляется, когда над Сарном собирается определённая гроза. Аэрханы слышат её раньше людей.

— Левин полетел туда?

— Его маршрут проходил рядом. Я думаю, ему приказали отклониться.

— Кто?

— Ренс подписал груз. Но приказ на изменение курса мог прийти от другого человека.

Она берёт снимки. На втором, возле белого пятна, видна точка — тёмная, вытянутая, с крыльями. Гайр.

— Почему вы не показали мне это вчера?

— Вчера я не знал, что вам пришло письмо после исчезновения. Теперь знаю, что Левин успел что-то передать. Это меняет дело.

— Письмо может быть подделкой.

— Может. Но рисунок колоколов слишком точный. Его сделает только тот, кто был на борту или видел борт сразу после посадки.

Илара кладёт снимки рядом с письмом. Долгое время они ничего не говорят. Работа сделана не полностью, но и продолжать нельзя: им недостаёт ещё одной ведомости, той, где записаны грузы. Она находится у Ренса.

Печь остывает. Ардан подбрасывает уголь. Илара замечает, что он хромает сильнее, когда думает, что она смотрит в документы. Она не спрашивает о ноге. Он не спрашивал о её пальцах.

— Мара сказала, у вас нет связного зверя, — произносит она наконец.

— Мара любит делать выводы.

— Значит, есть?

— Была.

Он поправляет дрова кочергой. Разговор явно заканчивается там, где ей только становится интересен. Илара решает не настаивать. Не потому, что уважает его тайну больше своей. Просто сегодня он уже дал ей больше, чем она ожидала.

Снаружи раздаётся короткий звон.

Они оба поднимают головы.

Большой колокол молчит. Это один из колокольчиков Гайра. Потом второй. Пауза. И ещё один звук, глухой, неправильный.

Илара смотрит на часы над дверью. До смены караула семь минут.

— Он не должен летать, — говорит она.

Ардан уже берёт плащ.

Они спускаются по башенной лестнице. Дождь просачивается через камень, ступени скользкие. На площадке Гайра никого нет. Тент сорван, цепь лежит на земле, кольцо вывернуто из кладки. Зверь улетел, хотя крыло вчера не выдержало бы даже короткого подъёма.

На камне у стены Илара видит белый порошок. Такой же был у воздуховода.

— Его подняли, — говорит она.

— Кто?

— Тот, кто знал, что запах собьёт ему путь обратно.

Ардан касается порошка рукавом и растирает. На ткани остаётся след, похожий на мел, только жирный.

— Сигнальная соль. Её добавляют в огни для аэрханов. Она не гонит зверя. Она заставляет его идти на свет.

— Куда поставили огонь?

Они выходят к краю площадки. В долине темно. Далеко на севере сквозь дождь просвечивает слабая белая точка. Потом исчезает. Через несколько секунд появляется снова.

— К старому пути, — говорит Ардан.

У него меняется голос. Илара понимает, что он видит не просто пропавшего зверя. Он видит повторение той ночи, когда вернулся Гайр без Левина.

— Вы пойдёте за ним?

— Если успею поднять другого аэрхана.

— Вы сказали, что ваш связной зверь умер.

— Я этого не говорил.

На площади уже собираются люди. Смотрители несут фонари, кто-то открывает двери восточного ангара. Илара замечает у основания башни силуэт в плаще. Человек стоит под навесом и не помогает. Он смотрит на северный огонь, затем поворачивается и уходит в сторону кабинета снабжения.

Она не видит лица. Но знает, что Ренс должен сейчас быть на смене.

Ардан приказывает ей остаться в крепости. Илара не спорит. По крайней мере, пока он может её слышать.

Глава седьмая. Снабжение

В плохую погоду крепость становится теснее. Люди спускаются с открытых площадок, коридоры наполняются мокрыми плащами и горячим дыханием, а любая дверь, ведущая наружу, хлопает по десять раз в минуту. Илара входит в южный корпус вслед за двумя смотрителями, которые несут моток цепи и громко обвиняют друг друга в том, что потеряли запасной замок. Она могла бы затеряться в толпе и ждать новостей. Вместо этого поднимается к кабинету Ренса.

В коридоре пусто. Под его дверью видна полоса света. Илара прислушивается. Внутри двигают мебель. Потом кто-то кашляет, и голос, явно не принадлежащий Ренсу, говорит, что белого огня хватит ещё на два часа. Ренс отвечает слишком тихо. Илара слышит только: «Он вернётся, если не трогать северную башню».

Ручка двери поворачивается. Она успевает отойти к окну и сделать вид, будто ждёт кого-то на лестнице. Из кабинета выходит молодой солдат с открытым ящиком сигнальных зарядов. У него мокрые волосы и такой вид, словно он с начала смены дважды успел пожалеть о своей службе. Он проходит мимо. Ренс появляется следом, видит Илару и останавливается.

— Заблудились?

У него спокойный голос. Сам он невысок, борода подстрижена коротко, лицо исцарапано после бритья. Слишком обыкновенный человек для той роли, которую Илара успела ему ответить.

— Искала мастерскую, — говорит она.

— На этом этаже её нет.

— Уже поняла.

Ренс смотрит на рулон парусины, которого теперь у неё нет. Потом на деревянный жетон на поясе.

— Венн. Новая курсантка.

— Да.

— Ваша фамилия мне знакома.

— Мне тоже.

Он не улыбается. На площадке за окнами вспыхивает белый сигнальный огонь. Ренс поворачивает голову, проверяет, в той ли точке он горит, и снова смотрит на Илару.

— Спуститесь в жилой корпус. Сейчас будет тревога.

— Она уже есть.

— Эта другая.

Он проходит мимо. Илара замечает на его рукаве пыль той же соли, что была у цепи Гайра. Значит, Ренс подходил к зверю. Но зачем потом направлять огонь обратно на крепость? Возможно, он пытается исправить собственную ошибку. Возможно, ждёт, пока все решат, что пытался.

Она входит в кабинет, пока дверь не успела закрыться. На столе раскрыта книга выдачи грузов. Последняя запись сделана сегодня: «Соль сигнальная. Две порции. Назначение — северный проход». Подпись Ренса стоит в графе разрешения, но ниже, на строке получателя, выведено имя, которого Илара не знает: «лаборатория А. Таль». Она запоминает его, потом листает назад к зиме прошлого года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.